

покидаеиъ границъ, имъ самимъ опредѣленныхъ; Шиллеръ, чувствуя свои силы, выступаетъ часто изъ предѣловъ, подобно водообильной и быстрой рѣкѣ. у Гёте искусство, жизнь, и идеалъ одно; у Шиллера мы видимъ только стремленіе къ сему единству. У Гёте свѣтъ отражается въ лицахъ и фигурахъ; у Шиллера въ идеяхъ и чувствованіяхъ. У Гёте свѣтъ и жизнь; у Шиллера свѣтъ и жизнь отражаются, только въ рефлексіи. Гёте совершенно объективенъ; Шиллеръ рѣдко свободенъ отъ субъективности. По сему ни одно изъ Шиллеровыхъ твореній не можетъ быть само по себѣ авторитетомъ, какъ напротивъ того Гётевы суть образцовыя. Шиллеръ только переходъ къ Гёте, и единственная школа искусства.

Гомеръ и Шекспиръ два радіуса, которые сколько ни разходясь, описываютъ одну периферію и соединяются въ одномъ центрѣ. Это близнецы маіери природы, которые, въ разномъ направленіи, исполинскими шагами измѣрили свѣтъ, и опять на той же почкѣ соединились, на которой распались.

Ни одинъ изъ новѣйшихъ поэтовъ не чувствовалъ столь глубоко непостижимости музыки и не умѣлъ столь искусно употреблять оную, какъ величайшій изъ нихъ — Шекспиръ. Чудесное является у него на волнахъ музыки и непостижимые звуки преисполняющъ сладостью и очаровываяющъ даже и пѣхъ, кои всюду ищущъ только натуральное.

Шекспиръ — истинный волшебникъ въ романтическомъ мѣрѣ духовъ, и сей гениальный человекъ, который научилъ бы вѣрованъ въ мѣрѣ духовъ, еслибъ сѣ вѣрованіе не существовало, есть какъ и вся романтика, подобіе равнины Бакинской; ночь тепла, синій огонь, не вредящій и не жгучій, пробѣгаетъ по всей равнинѣ и всѣ цвѣты горятъ; вдали темнѣются горы и воздымающъ чело свое въ небесную лазурь.

Говоря о видахъ и искусственности Шекспировыхъ пвореній — говоритъ Новалисъ — не должно забывать, что искусство принадлежишь къ природѣ, и есть какъ-бы сама себя созерцающая, себѣ подражающая, себя образующая.

природа. Искусство хорошо развившагося Генія конечно нѣчто совсѣмъ другое, нежели мастерство ума разсуждающаго. Шекспиръ не разсчитывалъ и не былъ ученый; его не иначе можно понимать, какъ воображая себѣ въ немъ душу, преисполненную разныхъ силъ, копорой вымыслы и шворенія, какъ произведенія природы, имѣющъ на себѣ печать мыслящаго духа, и въ коихъ и послѣдній остроумный наблюдатель найдетъ еще новое согласіе съ безконечнымъ устройствомъ міра, встрѣпипъ позднѣйшія идеи, родство съ высшими силами и чувствами чело-вѣчества. Онъ символически и многозначущи, просты и неисчерпаемы, какъ произведенія природы, и нѣтъ ничего неприличнѣе, какъ называть ихъ произведеніями искусства, въ ограниченномъ и механическомъ значеніи слова.

Чипая единственнаго Шекспира, кажется, живешь въ дѣйствительномъ мірѣ, въ обращеніи съ людьми всякаго званія, возраста, пола, характера, видишь ихъ спраспи и слабоспи, пороки и добродѣтели, хитроспи и глупоспи, дрыны и скрыпныя. Мыслящій чипапелъ мо-

жёнѣ у Шекспира пріобрѣсти столько же знанія свѣта и людей, какъ и тотъ, который съ наблюдательнымъ окомъ знакомится и обращается съ людьми всякаго званія, и едва ли доспапочно цѣлаго вѣка, что бы видѣть жизнь въ такомъ многообразіи. Никакой Философъ не въ состояніи написать такой Психологіи, какую можно бы извлечь изъ твореній Шекспировыхъ; надъ весьма многими сценами Психическая Медицина могла бы дѣлать свои наблюденія, какъ надъ дѣйствительными событіями.

Шекспиръ уподобляется термометру, въ которомъ ртуть отъ собственной своей теплоты и по мѣрѣ оной подымается.

Макбетъ (траг. Шексп.) величественное зрѣлище содержанія царскаго. Дѣйствіе предпринятое и совершенное есть святоотеческое убійство, вломившееся въ святылище государя и похитившее отъ тудѣ жизнь. Міръ духовъ открытъ предъ нашими глазами, и порождающееся во шмѣ груди, съ разительною испи-

ною выступаятъ въ свѣтъ и міръ дѣйствительныхъ явленій.

Шлегель весьма удачно сравниваетъ Шекспирова Макбета съ тучею кометы, которая, въ началѣ едва замѣтная, только звѣздослову значительная, въ шуманной дали является на небѣ, но скоро съ такою неслыханною, возрастающею быстротою къ средопочію системы нашего міра, несется, что въ прерывъ приходящія народы земнаго шара, и вдругъ неожиданно, огненнымъ, несчастіе предвѣщающимъ хвостомъ своимъ занимаетъ половину шверди.

Кулець Венеціанскій есть прелестнѣйшее произведеніе Шекспирова всеобъемлющаго генія, жемчужная двойчатка, единственная въ мірѣ.

Историческія пьесы Шекспира. Изъ шво-реній Шекспировыхъ, восемь (*) исполнскихъ представленій изъ Британской Исторіи соспа-

(*) Ричардъ II, Генрихъ IV (2 части), Генрихъ V, Генрихъ IV, (3 части), и Ричардъ III.

вляють одну величественную Трагедію, объемлющую войны алой и бѣлой розы, или борьбу двухъ линій Королевскаго дома за корону. Король Эдуардъ III, общій родоначальникъ всего поколенія, свирѣпствующаго пропивъ себя самого, и старшій его сынъ, цвѣтъ Бриганскаго Рыцарства, герой всѣхъ героевъ, прославившихся въ Англійской Исторіи, такъ называемый Черный Принцъ, незабвенный подвигами при Поапъе и Креси — оба уже во гробѣ, когда драма начинается. Они и ихъ вѣкъ проникають всю трагедію: чѣмъ болѣе несчастные потомки, предоспавленные поэтомъ самимъ себѣ, погибають, тѣмъ яснѣе выступаютъ изъ своихъ гробовъ родоначальникъ ихъ и несравненный принцъ, не описываемый Шекспиромъ, но озаряемый воспоминаніемъ цѣлаго королевскаго поколѣнія. До Эдуарда III, наследственное право Королей Англійскихъ сохранялось почти неприкосновеннымъ: Черный Принцъ палъ въ цвѣтѣ лѣтъ своихъ; посему наследовалъ Эдуарду III-му его внукъ, слабый и недоспойный сынъ Чернаго Принца, Король Ричардъ II. Англія привыкла видѣть на престолахъ своемъ Королей характера

сильнаго; личное достоинство и корона долгое время были неразлучны. Ричардовъ характеръ мало соотвѣтствовалъ престолу и не равнялся съ достоинствомъ предковъ. Эдуардъ III имѣлъ другихъ, лучшихъ внуковъ, опъ прочихъ своихъ шести сыновей; они, чувствуя свои силы, низвергли съ престола слабаго Ричарда, и съ судьбою допущенное преступленіе, влечетъ за собою множество злодѣяній и мерзостей. Англія обогрывается королевскою кровію; право короны подвержено сомнѣнію и каждый членъ знаменитой фамиліи спремится присвоить ее себѣ; преступленія умножаются и возрастаютъ, пока изъ епой крови поражается наконецъ чудовище, хромое, безобразное, гнусное, опередившее всѣхъ прочихъ, собирающее на главу свою всѣ проклятія и убійства, паденіемъ котораго судьба опять примиряется съ Англіею — Король Ричардъ III. Въ очищенномъ блескѣ, подобно юному солнцу, является корона на челѣ Генриха VII, дѣда Елисаветы.

Слабый Король Ричардъ II, въ первыхъ двухъ дѣйствіяхъ возбуждаетъ наше негодованіе недостойнымъ своимъ обращеніемъ съ родствен-

никами. Онъ, который не долженъ бы отдѣляться отъ сердца и собственности своего народа, онъ за деньги отдаетъ въ залогъ и народъ и землю, отдаетъ Англію на аренду, какъ бѣдное помѣстье. Недостойный наказуется; родственникъ его Гересфордъ низвергаетъ его съ престола и занимаетъ оный подъ именемъ Генриха IV. Ричардъ лишается ума и жизни.

Съ вырученными за Англію деньгами Ричардъ отправляется въ Ирландію, для прекращенія возникшихъ тамъ безпокойствъ: между тѣмъ въ Англію Гересфордъ, какъ возмутитель, и общій бунтъ его подкрѣпляетъ. Извѣстіе о семъ пробуждаетъ въ Ричардѣ все чувство Королевскаго его права; онъ проникнутъ сознаниемъ, что онъ помазанникъ божій; каждая капля крови въ немъ взываетъ къ нему: ты Король! ты помазанникъ Божій! неотъемлемо и неприкосновенно въ тебѣ право первородства. Онъ летитъ въ Англію, цѣлуетъ при вступленіи въ нее землю. Когда солнце медлило у Аншиподовъ, говоритъ онъ, тогда только мятежники и бунтовщики могли дерзнуть, подъ защитою мощи, нарушать покой Англіи; при восхожденіи

онаго на Воспокѣ, сыны нощи сокроются опять въ свои ущелья. Ричардъ опирается на священное свое право, тѣмъ болѣе одушевляясь невидимою свяшоспью своего назначенія, чѣмъ болѣе его вѣрныя опѣ него оппадають. Онъ не пользуется земными средствами для защищенія себя; онъ еще ожидаетъ помощи опѣ Ангеловъ Божіихъ, когда тронъ его уже опрокинутъ, и когда Генрихъ, несомый любовью народною, надъ нимъ возвысился. Тупъ его вѣра въ религію слабѣетъ и онъ погибаетъ въ разспройствѣ ума.

Когда Генрихъ IV. низвергнулъ Короля Ричарда II съ престола въ безуміе и могилу, тогда Англія потеряла и невинность Рыцарскую. Англія теперь совсѣмъ другая, совсѣмъ не та, какою была въ то время, когда во всей чистотѣ и непорочности являлась въ священныхъ войнахъ и подъ предводительствомъ Чернаго Принца на поляхъ Франціи. Недовѣрчивый и молчаливый похищатель престола, приближаясь къ старости, скрывается во внутренности своего дворца. Эдуардъ III и Черный Принцъ, въ дѣяніяхъ своихъ и явленіяхъ истинные цари,

могли ежедневно показываться народу во всякомъ видѣ, никто не могъ забыть священнаго права царской крови и подвиговъ, подкрѣпляющихъ оное. Напропивъ того похититель престола Генрихъ IV, разсуждая о жизни сына своего, Наслѣднаго Принца, говоритъ, что должно рѣдко показываться и при томъ съ важностью и торжественностью, должно кокетствовать любовью народною. Это ясно доказываетъ, что невинность короны утрачена, что наружность и виды должны замѣнить истину и дѣянія правосудія. Даже и Принцъ Валлискій не совсѣмъ свободенъ отъ сего кокетства. Онъ намѣренъ, говоритъ онъ самъ, обращеніемъ съ развратными людьми и необузданною жизнью возбудить въ народѣ дурное о себѣ мнѣніе и невыгодныя ожиданія, дабы въ послѣдствіи, при восшествіи на престолъ, всѣхъ изумить и превзойти всякое ожиданіе. Міръ дѣйствительно въ расколѣ: разкаяніе возсѣло на престолъ въ прагическомъ видѣ, размышляя о путяхъ судьбы, порождая въ себѣ унылыя мысли о недостаточности силъ человѣческихъ, жалуясь на бремя короны, завидуя кратковременному

снѣ мапраса въ мачтовой плепушкѣ. Бѣдность, малодушіе и послѣдствія развратной жизни поселились, напропивъ того, въ пракширѣ, въ комическомъ видѣ: своеволіе, беззаконіе, обманъ безпрестанно смѣняются, объемлемы будучи однимъ и тѣмъ же элементомъ неисчерпаемой остроумія. Наслѣдный Принцъ по шутѣ, по шамѣ, изъ пракшира переходитъ во дворецъ, отъ сухощаваго Короля къ полстобрюхому Фальстафу, отъ важности къ шуткамъ, какъ и самъ поэтъ отъ комической Музы къ прагматической. Въ первой части сіе колебаніе прерывается на мгновеніе ревностью Наслѣднаго Принца къ молодому, рыцарскаго духа преисполненному, храброму Перси: шутъ поэтъ становится несносно великъ. На полѣ брани, гдѣ оба соперника сражаются и Перси погибаетъ, комическое въ Фальстафѣ достигаетъ высочайшей точки. Чрезмѣрный смѣхъ, глубокія прагматическія чувствованія и слезы, быстро смѣняясь, болѣе и болѣе взаимно умѣряются, такъ что остается одно спокойное чувство. Безпрестанная молнія и сильные дожди должны воспослѣдовать, чтобы возстановить въ атмосферѣ чистое равновѣсіе.

Воздухъ очищенъ, но только на короткое время, ибо готовился еще больший расколъ. Во второй часпи дѣлается новый заговоръ противъ несчастнаго похищеннаго престола: проложившіе ему преступнической путь не хотѣли, чтобы онъ ими повелѣвалъ, находя благовидный предлогъ въ томъ, что будто онъ никогда не переспанетъ ненавидѣть помощниковъ своего преступления. Сыновья Королевскіе побуждаютъ мятежниковъ; но скорбь уже истощила его жизнь, и самое извѣстіе о пораженіи враговъ убиваетъ его. Принцъ Валлискій уже болѣе на Королевской сторонѣ; только одинъ разъ, и то на короткое время, показывается онъ въ сферѣ Фальсшафа. Въ сей второй часпи неблагородный свѣтъ отдѣлился отъ благороднаго, и Принцъ, служившій прежде посредникомъ, приближается болѣе къ престолу, и переходитъ, у изголовья умирающаго отца, вовсе на прагматическую сторону. Такъ являющаяся въ сей драммѣ Комедія и Трагедія въ соединеніи, какъ часпи высшей Трагедіи.

Чрезъ поле брани подъ Азенкуромъ, поэтъ препровождаетъ любимца своего Генриха V. до

бракосочетанія его съ Екатериною, Принцессою Французскою. Судьба кажется примирилась; спокойное наследованіе королей возстановлено; прекрасные дни храбраго Рыцарства возвратились. Но, внезапная, преждевременная смерть испребляетъ все; Генрихъ исчезаетъ и оставляетъ Королевство малолѣтнему Генриху VI. Внуки и правнуки Эдуарда III возобновляютъ свои требованія; Франція обнажаетъ мечъ мщенія; внутреннія и внѣшнія войны свирѣпствуютъ; настали ужаснѣйшія для Англіи дни: преступленія, измѣны и убійства опустошаютъ ее. Таково содержаніе трехъ частей Короля Генриха VI, въ которомъ дѣва Орлеанская играетъ важную роль. Наконецъ, всѣ претенденты престола мужеской линіи судьбой испреблены и изгнаны; является послѣдній, ужаснѣйшій — Ричардъ Іоркскій! Вдовы и сироты Королевскія около него безъ защиты. Съ паденіемъ сего пирана судьба примиряется, но Рыцарскій вѣкъ Англіи дѣйствительно миновался. Съ Королемъ Генрихомъ VII, преемникомъ Ричарда III, наступаетъ новый вѣкъ для Англіи, эпоха коммерческаго ея величія, которой пипическое

всемірное значеніе для Шекспира было еще сокрыто.

Сновидѣніе въ лѣтнюю ночь (Шекспира).

Времена года въ безпорядкѣ; спужа и бури свирѣпствуютъ въ Ивановъ день, заблужденія и недоумѣнія претворяютъ людей, и въ царствѣ любви зима ревнивости среди лѣта. Поэтъ проводитъ сіе безпорядочное время въ мечпаніяхъ на сценѣ; и его пробудившагося озаряетъ опять успокоенный эфиръ. Въ мірѣ духовъ, въ Ивановъ день, произошелъ расколъ: Оберонъ и Типанія, царь и царица Эльфовъ, въ спорѣ, кому владѣть прекраснымъ молушкою, котораго Типанія нашла на берегахъ Инда; сія распря непосредственно проникаетъ природу, погода совершенно измѣняется, распѣнія сію быструю перемену возчувствовали, и люди, жертвующіе любви, и все, что чрезъ любовь соединено съ жизнію цвѣтовъ и лѣсовъ, въ тревогѣ и безпокойствіи. — Елисавета, почти 60-лѣтняя, все еще отказывала всѣмъ женихамъ и рѣшилась умереть дѣвою. Богъ любви пускаетъ сильнѣйшую, острѣйшую стрѣлу въ ея грудь;

но влажный лучъ луны, нокровинсельницы цѣло-
мудрїя, оспанавливаеиъ ея спремение; до груди
королевы спрѣла не долетаеиъ, упадаеиъ въ
маленькой цвѣтокъ, называемый въ Англіи
Любовь въ праздности, у насъ Маргарипками.
Сокъ сего цвѣпка получаеиъ ту силу, что чьи
глаза во время сна имъ окропляются, потъ про-
будившись влюбляеиъ въ первый предметъ,
который ему попадаеиъ на глаза. Дѣйствиѣ
сего очаровательнаго средства довершаеиъ
смяиение всей природы, произшедшее отъ несо-
гласїя Оберона съ Типанїей. — Двѣ дѣвушки въ
Афинахъ, ловкая блондинка Елена, и маленькая
брюнетка Гермїя, обѣ вмѣстѣ росшія подобно
двумъ вишнямъ, двумъ прекраснымъ ягодкамъ
на одномъ стебелькѣ, по видимому два шѣла,
но одно сердце, впадаюиъ въ сѣпи любви. Елена
любиъ Деметрїя, Гермїя Лизандра. Деметрїй
покинувъ Елену обращается къ Гермїи, свапаеиъ
за нее и отецъ Гермїи ему благоволиъ. Такимъ
образомъ двѣ взаимныя спраспи превращаюиъ
въ двѣ одностороннія и одну взаимную. Елена
любиъ Деметрїя, Деметрїй Гермїю, Гермїя
Лизандра, Лизандръ Гермїю, но отецъ ея про-

тивъ него. Гермія и Лизандръ убѣгають изъ Афинъ. Елена, чшобы пріобрѣсти любовь Деметрія, открываетъ ему тайну побѣга; онъ преслѣдуетъ бѣжавшихъ въ сосѣдственный лѣсъ; за нимъ слѣдуетъ Елена. Въ семъ самомъ лѣсу Оберонъ намѣренъ наказати Титанію за неуслушеніе Индійскаго малютки; она спитъ. Дроль, служащій ему духъ, по его приказанію, окропляетъ ея глаза сокомъ онаго цвѣтка, а равно и глаза спящаго въ лѣсу Деметрія долженъ онъ окропити, дабы онъ пробудившись увидѣлъ сперва Елену, и ее опять полюбилъ. Но Дроль находилъ сперва спящаго Лизандра, почитаетъ его за Деметрія и исполняетъ надъ нимъ приказаніе. Къ несчастію пробудившійся Лизандръ видя блуждающую Елену и двѣ сперва взаимныя страсти превращаются теперь въ чепыре одностороннія. Елена любитъ Деметрія, сей Гермію, Гермія Лизандра, Лизандръ Елену. Какъ въ танцѣ двѣ пары подають себѣ руки въ фигурѣ, называемой *chaine*, въ такомъ снлепеніи являются сіи чепыре любящіе, каждая дама бѣжитъ отъ своего кавалера и подаетъ руку другому, каждый кавалеръ бѣжитъ отъ своей

дамы и подаетъ руку другой. Оберонъ приказываетъ Дролю исправить свою ошибку, и Деметрій возвращается опять къ Еленѣ. Опять двѣ одностороннія спраски и одна взаимная. Гермія любитъ Лизандра, Лизандръ Елену, Елена Деметрія, Деметрій Елену. Прежде, по известной фигурѣ въ танцѣ, оба кавалера были на сторонѣ Гермји, а Елена была оставлена, теперь Гермія оставлена, а Елена съ двумя кавалерами. Чрезъ то же самое средство Лизандръ возвращается къ своей Гермји, и всё къ общему удовольствію успокоивается. Сердину сего танца занимаетъ чрезвычайно комическая группа. Пять простыхъ ремесленниковъ, сговорившись праздновать день бракосочетанія короля Тезея неаппетитнымъ представленіемъ Пирама и Тисъбы, и чтобы намѣреніе ихъ осталось тайною, повпоряютъ сіе представленіе въ томъ же самомъ мѣстѣ. Голову назначеннаго Пирама, ткача, Дроль превращаетъ въ ослиную; проснувшаяся Типанія его видитъ первого, и онъ дѣлается предметомъ ея любви. Теперь представьте себѣ въ срединѣ Типанію, украшающую превращеннаго ткача розами и другими цвѣтами,

и прелестныхъ Эльфовъ, заботящихся его кормить и переть ему уши; вокругъ сей группы влюбленный кадриль кавалеровъ и дамъ, и странный кадриль ремесленниковъ, потерявшихъ первого своего любовника и декламатора. Прелестная сія сцена кончится буфонскимъ представленіемъ Пирама и Тисъбы, — въ которомъ поэтъ, кажется, пародируетъ съ юношескою дерзостью прекрасныя сцены трагедіи Ромео и Юлія, которую онъ въ то же время сочинилъ — и проякимъ бракосочетаніемъ. Все исчезаетъ какъ прелестный сонъ!...
